

Любимый детектив
Английской королевы

Перри – царствующая королева викторианского детектива.

People

Дайте Перри какое-нибудь заковыристое убийство вкупе с постыдным социальным казусом – и она напишет такой викторианский детектив, которому позавидовал бы сам Диккенс.

The New York Times

Мало кто из создателей детективов в духе Артура Конан Дойля может так красочно воспроизвести атмосферу викторианского Лондона, так точно прорисовать его детали и воссоздать настроение той эпохи, как Перри.

San Francisco Chronicle

Если вы купили очередную историю от Эшл Перри, вы можете смело рассчитывать на то, что она будет превосходна.

The San Diego Union Tribune

Серия о Шарлотте и Томасе Питт

Призрак с Кейтер-стрит
Находка на Калландер-сквер
Туман над Парагон-уок
Воскрешение на Ресуррекшн-роу
Вор с Рутленд-плейс
Утопленник из Блюгейт-филдс
Смерть в Поместье Дьявола
Натюрморт из Кардингтон-кресент
Тишина в Хановвер-клоуз
Казнь на Вестминстерском мосту
Пожар на Хайгейт-райз
Скандал на Белгрейв-сквер
Невидимка с Фэрриерс-лейн
Палач из Гайд-парка
Врата изменников
Душитель из Пентекост-элли

Серия об инспекторе Монке

Чужое лицо
Опасная скорбь

Энн
Терри

Душитель
из Пентекост-элли

ЭКМО
Москва
2015

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
П27

Anne Perry
PENTECOST ALLEY
Copyright © 1996 Anne Perry

Оформление серии *А. Саукова, Ф. Барбышева*

Иллюстрация на переплете *П. Трофимова*

Перри, Энн.
П27 Душитель из Пентекост-элли / Энн Перри ; [пер. с англ. А. И. Кириченко]. — Москва : Эксмо, 2015. — 512 с. — (Любимый детектив английской королевы).
ISBN 978-5-699-77672-6

В небольшом лондонском переулке Пентекост-элли, что неподалеку от Уайтчепела, в доходном доме найден труп задушенной проститутки. В кровати убитой был обнаружен золотой значок-эмблема с надписью «Клуб Адского Пламени», а на обратной его стороне значилось имя Финли Фитцджереймса, сына одного из самых влиятельных представителей лондонского высшего света. Делом немедленно занялся суперинтендант полиции Томас Питт. Отец и сын Фитцджереймсы в один голос заявили, что Финли невиновен, а именную улику подбросил на место преступления кто-то из их многочисленных врагов. Между тем общественность города взбудоражена – еще бы, ведь совсем недавно в этих местах совершал свои жуткие убийства Джек Потрошитель, а полиция его так и не нашла. Никогда еще Томасу Питту не приходилось работать под таким давлением...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-77672-6

© Кириченко А. И., перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

*Джонатану, Сильвии,
Франсис и Генри —
с любовью*

Глава 1

— Сожалею, сэр, — тихо сказал инспектор Юарт. Суперинтендант Томас Питт взглянул на лежавшее поперек широкой кровати женское тело. Лицо погибшей было отечным и одутловатым от удушья, вызвавшего смерть. — Но это вы должны увидеть собственными глазами.

— Видимо, так, — криво усмехнувшись, согласился Томас.

С тех пор как он стал начальником полицейского участка на Боу-стрит, ему больше не приходилось заниматься такими рядовыми преступлениями, как насилие, кражи или мошенничество. Начальство вменило ему в обязанность сосредоточить свое внимание на тех случаях, которые грозили вызвать политические осложнения или в которых оказывались замешанными видные в обществе персоны. Здесь требовались особая быстрота и эффективность действий, чтобы избежать нежелательной реакции в правительственных кругах.

Вызов в трущобы Уайтчепела для осмотра трупа убитой проститутки, полученный им в два часа ночи, еще ждет своего ответа, думал Питт.

Посланный за ним полицейский с бледным лицом так ничего ему толком не объяснил, пока они тряслись в кебе по нешироким, мощенным бульжником улицам спящего города. По мере того как они приближались к месту происшествия в восточной части Лондона, ули-

цы становились все уже, а задымленность воздуха — все сильнее. Резкий запах речной гнили напоминал о близости Темзы.

Кеб наконец остановился на Олд-Монтегю-стрит: там, где начинался переулок Пентекост-элли, заканчивающийся тупиком. Свет одинокого фонаря на углу плохо освещал их путь пешком. Полицейский, подняв повыше сигнальную лампу, осторожно провел Питта мимо груд мусора и спящих на тротуаре бродяг к скрипучим ступеням крыльца и грязной двери многоквартирного дома, а затем по коридору в комнату, где ждал его инспектор Юарт. Из глубины коридора доносился испуганный плач, в котором уже звучали истерические нотки.

Наслышанный ранее о служебной репутации инспектора, Томас теперь не сомневался в том, что его ночной вызов — не случайность, да и срочность, с которой этот вызов был сделан, настораживала. Едва ли Юарт добровольно отказался бы от начатого дела и передал его другому офицеру полиции, особенно такому, как Питт, кто достиг высокого ранга начальника всего лишь потому, что прошел этот путь, начав с простого констебля. Совсем недавно Томас был в том же ранге, что и Юарт, который, как и многие в полиции, считал, что пост начальника полицейского участка может занимать лишь тот, кто достоин этого по рождению. Например, такая личность, как Мика Драммонд, предшественник Питта, человек состоятельный и прошедший войну.

Суперинтендант посмотрел на убитую. Она была молода, хотя определить точный возраст проститутки обычно трудно. Жизнь у них нелегкая и нередко короткая. Но, насколько Питту удалось разглядеть благодаря разорванному на груди девушки платью, на коже у нее не было пагубных следов пьянства и болезней. Обнаженные ноги убитой под сбившимися юбками были упругими и молодыми. Левая рука привязана чулком

к изголовью кровати, чуть повыше локтя ее перетягивала дамская подвязка с ярко-голубой шелковой розочкой. Из второго чулка сделана петля, затянутая на шее девушки так туго, что глубоко врезалась в кожу. Торс задущенной и постель почему-то залиты водой.

Из коридора продолжал доноситься плач, но теперь он звучал тише. Слышались голоса и чьи-то быстрые легкие шаги.

Питт окинул взглядом комнату. К его удивлению, она оказалась довольно уютной. Обои, правда, были старыми, местами выцветшими и в пятнах сырости, но рисунок на них сохранился. В небольшом камине селела кучка свежей золы. Видимо, камин служил скорее украшением, чем источником тепла. На единственном кресле с ярко-красной обивкой лежала вышитая подушка, а пол перед камином покрывал плетенный из лоскутьев коврик. Полочку над ним украшала салфетка с вышивкой, комод для одежды и белья из полированного дерева сверкал начищенными медными ручками. На деревянной подставке умывальника стоял таз и кувшин для умывания.

На полу у кровати Томас заметил пару высоких черных ботинок со шнуровкой. Они не стояли рядом, как обычно ставят обувь, а лежали друг на друге, причем голенище правого ботинка было пришнуровано к голенищу левого. Рядом валялся крючок, говоривший о том, что кто-то сделал все это намеренно. Нелепая и извращенная проделка...

Суперинтендант шумно вздохнул. Отвратительное, зловещее убийство, но это не могло быть причиной, по которой инспектор Юарт вызвал его сюда. Проституция — опасный способ зарабатывать на жизнь. Здесь убийства не редкость, и они, как правило, не имеют отношения к скандалам ни в высшем свете, ни в других слоях общества.

Томас повернулся и посмотрел на оставшееся в тени лицо Юарта, но при слабом свете полицейского фонаря, освещавшего комнату, не смог ничего прочесть в глазах своего коллеги.

— Доказательства, — как бы предупреждая его вопрос, коротко сказал инспектор. — Их достаточно.

— О чем они нам говорят? — Несмотря на теплую августовскую ночь, Питта пронял озноб.

— О джентльмене, — не задумываясь, ответил его собеседник. — К тому же из весьма влиятельной семьи.

Странно, но это почти не удивило Томаса. Он подозревал нечто подобное, бессмысленное и жестокое, чему нельзя будет найти разумного объяснения. Он даже не спросил, почему Юарт в этом так уверен. Следует прежде самому ознакомиться с доказательствами, а потом делать выводы.

В коридоре послышался шум, заскрипели половицы, и в дверях возник человек.

На вид он был лет на двадцать моложе Питта. Томас подумал, что ему, должно быть, не больше тридцати. У него была свежая кожа, широко посаженные карие глаза, тонкие черты лица и нос с горбинкой. На таком лице хотелось бы видеть юмор и дружелюбие, но суровые реалии жизни уже омрачили его печалью и болью. При неверном меняющемся свете в комнате оно показалось Томасу осунувшимся и усталым. Вошедший почти машинальным жестом откинул со лба прядь волос и посмотрел сначала на Юарта, а потом на Питта. В руке у него был кожаный чемоданчик.

— Леннокс, хирург, — представил его инспектор своему начальнику.

— Доброе утро, сэр, — поздоровался медик хриловатым голосом и тут же откашлялся, а затем поспешил извиниться, хотя вполне мог бы этого не делать. Питт не особо жаловал судебных врачей, для которых вид на-

сильственной смерти становился чем-то обычным, не вызывавшим ни ужаса, ни гнева, ни тем более чувства утраты.

Он отступил назад, давая хирургу возможность изучить труп.

— Я уже осмотрел ее, — коротко сказал Леннокс. — Меня вызвали одновременно с инспектором Юартом. Я сейчас успокаивал здешних обитательниц. Они были несколько... э-э-э... расстроены.

— Что вы можете сказать об этом? — перебил его Томас, кивая на убитую.

Медик снова прочистил горло. Он смотрел на суперинтенданта, словно не замечая мертвой женщины на кровати, не видя ее разметавшихся по подушке волос и нелепой подвязки с розочкой на ее руке.

— Смерть наступила вчера между десятью вечера и двенадцатью ночи, не позднее, — ответил он. — В комнате сейчас относительно прохладно, но тогда, видимо, в камине горел огонь и было теплее. Зола оставалась еще теплой, да и ночь, как видите, не холодная.

— Вы так уверены, когда указываете время десять часов... — с интересом проговорил Питт.

Леннокс покраснел.

— Простите. Я должен был сказать, что есть свидетельница, которая видела, как в это время Ада Маккинли вернулась домой.

Томас улыбнулся, но эта улыбка походила скорее на гримасу:

— А что насчет двенадцати часов ночи? Это время тоже может подтвердить свидетель?

— В полночь ее уже нашли мертвой, сэр, — покачал головой хирург.

— Что еще вы можете сказать о ней? — продолжал допытываться суперинтендант.

— Предположительно ей лет двадцать пять, здорова... была.

— Были дети?

— Да... и... — Леннокс внезапно поморщился, как от боли. — Ногти у нее на руках и ногах сломаны, сэр. Три ногтя на левой руке, два — на правой. И еще три ногтя на... левой ноге тоже покалечены.

Питт почувствовал, как у него по спине пробежал холодок, словно в комнате внезапно понизилась температура.

— Повреждения ногтей свежие? — спросил он, уже зная ответ. Если бы это были следы старых повреждений, судебный врач не придал бы им значения. Он бы их просто не заметил.

— Повреждения, бесспорно, свежие, нанесены несколько часов назад, возможно, прямо перед тем, как она была убита, — подтвердил его догадку медик. — Однако опухолей в этих местах почти нет.

— Понятно. Благодарю вас.

Томас заставил себя снова повернуться к кровати. Ему не хотелось смотреть на лицо убитой, но он был обязан сделать это по долгу службы. Необходимо знать, какой была эта девушка и что с нею произошло в ее убогом одиноком жилище. Его обязанностью было понять, почему и кем совершено убийство.

Жертва была хорошо сложенной, среднего роста женщиной. Насколько можно было предположить, у нее были правильные черты лица и приятная наружность. Отек не позволял с нужной точностью определить строение и овал лица, но лоб у убитой был высоким, нос — прямым, хорошей формы, волосы — густыми и мягкими, а зубы — ровными, лишь недавно начавшими терять свою белизну. В обычной жизни Ада Маккинли могла бы стать женой, матерью трех или четырех, а то и боль-

ше детей и не мечтала бы ни о чем, кроме того, как спокойно и достойно дожить до старости.

— О чем это нам говорит? — спросил Питт, продолжая разглядывать убитую. Пока ничего не позволяло ему представить себе личность убийцы — было ясно только, что тот был жесток и явно испугался того, что зашел так далеко.

— Найдена эмблема частного клуба, — подсказал ему Юарт и тут же умолк, втянув в себя воздух. — Именной значок, и еще пара запонок.

Томас резко повернулся к нему. Леннокс, словно зачарованный, следил за ними.

— Имя? — с трудом вымолвил суперинтендант, нарушив тишину.

Побледневший инспектор засунул палец за воротничок, словно тот душил его:

— Финли Фитцджереймс.

За дверью скрипели половицы под ногами прохаживающегося там констебля. В темных окнах клубился ночной туман. Кто-то снова приглушенно заплакал в конце коридора.

Питт молчал. Это имя было ему знакомо. Огастес Фитцджереймс был очень влиятельной фигурой. Банкир, не без политических амбиций, он был близок ко многим знатным семьям, играющим видную роль в политической жизни страны. Финли, его единственный сын, был молодым дипломатом, которому, по слухам, предстояло в недалеком будущем начать свою карьеру в одном из британских посольств в Европе.

— И еще у нас есть показания свидетелей, — добавил Юарт, глядя своему начальнику в лицо.

— Показания о чем? — осторожно спросил тот.

Инспектор явно был обеспокоен. Он весь напрягся, углы его рта были горько опущены.

— Убийцу видели в квартале, — ответил он. — Но те, кто видел, не знают Финли Фитцджереймса, а по их описаниям это мог быть любой джентльмен, солидный и важный...

Юарт хотел было что-то добавить, возможно, о джентльменах, посещающих такие кварталы, но передумал. Оба полицейских знали, что сюда заходят те из них, кто устал от собственных жен, но опасается завести любовные связи в своем кругу, или же те, кого влекло к запретным радостям и кто жаждал острых ощущений. Впрочем, причин, по которым мужчины предпочитают покупать удовольствия именно в таких перулках и комнатухах, как эта, могло быть бесчисленное множество...

— Не забудьте о запонках, — напомнил им стоявший у дверей Леннокс хрипловатым голосом. — Они золотые, — добавил он с коротким смешком. — Высокой пробы.

Томас медленно обвел комнату взглядом, пытаясь представить, что в ней произошло несколько часов назад. Постель была смята, но какого-либо особого беспорядка, вроде разорванных простынь, он не заметил. Едва различимый темный след на одной из них, похожий на кровь, мог появиться там и неделю назад. Надо попросить Леннокса проверить, если он посчитает это важным...

Затем суперинтендант осмотрел стены и мебель. Никаких следов борьбы в комнате, все, похоже, стоит на своих местах. Хотя если схватка не была яростной и происходила между равными по силе и весу людьми, то старые обои никак не пострадали бы от этого, да и кресло или умывальник с тазом и выдавшим виды голубым фаянсовым кувшином с давней, чуть замазанной трещиной едва ли были бы опрокинуты. Тем не менее ничего говорящего о драке Томас не увидел.

Юарт, словно читая его мысли, наконец нарушил молчание:

— В комодe ничего интересного — несколько платьев, нижние юбки, накидка, а также белье, полотенца и пара чистых простынь и наволочек. Под кроватью — ночной горшок и один черный чулок. Видимо, хозяйка когда-то уронила его, да так и не смогла потом найти в темноте. Мы вдвоем с констеблем с трудом его заметили, и то с помощью фонаря.

— А где вы нашли значок и запонки? — поинтересовался Питт. — Надеюсь, не под кроватью?

Инспектор обиженно поджал губы:

— Одну запонку, состоящую из двух частей, мы нашли на кресле под подушкой. — Он указал на кресло. — Она завалилась в щель между спинкой и сиденьем. Возможно, джентльмен, сняв сорочку, повесил ее на спинку кресла. Запонка могла выпасть из манжеты и закатиться в щель. Может быть, он даже сидел на ней. А когда в панике покидал комнату, даже не вспомнил о ней или вспомнил, да было уже поздно. Разумеется, ничто не говорит о том, что запонка была потеряна вчера... — Юарт посмотрел на коллегу, словно ожидая от него подтверждения.

— Возможно, — согласился Томас. Оба полицейских прекрасно понимали, что их ждет, если придется начать следствие против кого-то из клана Фитцджерейсов. Насколько проще была бы их задача, если бы подозреваемый оказался простым смертным, человеком из этого квартала, без высоких связей и поддержки!

Но улики налицо, их необходимо использовать в предстоящем расследовании, а заниматься этим по долгу службы предстояло не кому-нибудь, а самому суперинтенданту. Старания Юарта избежать упоминания об этом были вполне понятны Питту, но легче от этого ему не становилось.